

щество соответствовало бы конфискации частной собственности. Королева, как сказано, отказалась от этого притязания, несмотря на то что папа Павел IV сильно настаивал на нем. Далее запрещены были браки духовенства, потом протестантская форма причастия, наконец, торжественным актом парламента Англия объявлена была снова католической державой. Конечно, в эту минуту парламент не был выразителем народных требований: никогда народ не был так враждебен католицизму; католицизм являлся ему чем-то грозным и мстительным вследствие тогдашних требований и мер правительства. Все нововведения Генриха были уничтожены, их приверженцы подавлены; между ними пострадал и Кранмер. Он искусно прикрывал свои протестантские виды при Генрихе; при Эдуарде он их высказал резко; он оказал себя прямым протестантом, но в то же время протестантом умеренным; он был реформатор-политик, хотевший согласить религиозную реформу с выгодами светской власти. Теперь его потребовали к суду за его убеждения и действия: королева, кроме религиозных отношений, помнила ту роль, которую играл он в деле развода ее матери с Генрихом. Нельзя сказать, чтобы поведение Кранмера в то время, как он находился под судом и в Лондонской башне, внушало к нему уважение: он робел, отказывался от своих прежних поступков. У католических историков, например Лингарда¹, конечно, мы находим много преувеличенного о поведении его в это время; но и на основании протестантских источников можно с достоверностью заключить, что Кранмер не был из числа людей крепких и стойких. Несмотря, однако же, на свою уступчивость, он был приговорен к смерти; но в виду ее он оказал свое мужество: он прежде всего опустил в огонь свою руку, виповную в отречении.

Вслед за тем начался ряд других казней. Особой комиссии поручено было исследование религиозных преступлений: ей могло быть много дела в такую эпоху, когда ни между мирянами, ни даже между духовными не было, можно сказать, ни одного, кому не пришлось бы хотя раз переменить свои мнения вследствие политических обстоятельств. Во главе нового судилища стоял Гарднер, несколько епископов и несколько светских лордов, строгих католиков. Они приговорили к смерти, кроме Кранмера, епископа Латимера, человека больших талантов; в 4 года 290 человек приговорены были к смерти, в том числе 40 детей. Конечно, в этом случае нельзя полагаться на верность цифр, приводимых протестантами и католическим историком Лингардом; но все-таки на основании достоверных источников число жертв простирается до 290 человек. К чести Гардинера нужно сказать, что он недолго оставался во главе этого страшного судилища; место его занял лондонский епископ Боннер, некогда приверженец протестантизма, теперь из страха или расчетов сделавшийся страшным его гонителем. Сама Елизавета, дочь Генриха, едва избежала от смерти; ее обвинили в приверженности к новому учению и в политиче-